
Interview with Mariia Tereshko, Solotvin, part I (IF_Sol_09_06)

Name: Mariia Ivanivna Tereshko

Maiden name: Prokopishin

Code: IF_Sol_09_06

Born: 1929

Gender: Female

Nationality: Ukrainian

School: University of Kiev

Profession: Teacher

Length: 113:28

Date: Вівторок, Серпень 11, 2009

Transcription:

Note: the informant's answers in Ukrainian are presented in simplified transcription based on the Russian orthography.

Терешко (дев. фамилия Прокопишин) Мария Ивановна, 1929 г.р., с. Заречье Солотвинского р-на (часть Солотвина)

Образование: Киевский университет, учитель начальных классов

Соб. ОББ, ЕФК

Продолжительность - 1 час 53 мин

11 августа 2009 г.

00.00 [Знакомство. Разговор происходит возле памятного знака евреям Солотвина, погибшим во время Второй мировой войны. ТМИ уже 25 лет на пенсии.] В 44-м году, когда уже война

00.01 звидкиля йшли русские, а тут окопалися мадяры из нимцямы. И тут почалася битва, и там загинув мий батько. Вин був 1898 року, це було 27 липня 1944 року. Я цю війну добре памятаю. Солотвино було як район. Тут було дуже багато євреїв. [Кого було більше в Солотвино: українцев или євреїв?] Українців було більше. Євреї чим займалися? У них були свої магазини, з того вони жили.

00.02 Солотвино маленьке, малы две церкви, украинци мали свою греко-католицьку, а поляки мали римо-католицьку - костел. Еврейи - от тут - це [синагога](#). (Показывает на сохранившееся задние синагоги, в котором размещается склад. Костел был по другую сторону рыночной площади. Униатская церковь находится ниже рыночной площади, около 300 метров) Була колония немцев, у них був свій костел. Так его называли - немецкий костел. (Немецкий костел находился на той же стороне, где синагога, но дальше по улице.) И тоди еврейив... дуже дружно жили, не було різниці.

00.03 Вы могли йти до греко-католицької церкви, якщо вы українець, якщо вы єврей, вы йшли до синагоги, якщо вы поляк, вы йшли до свого костелу. И ніхто ніколи не перечив с вами, всі «Добрий день» - так вітались. И коли російськи прийшли, так теж «Здравствуйте» прийшло. А так поляки «Дзень добрый». Українці вітались «Слава Ісусу Христу». Німці вітались «Гутен так». [А єврейи як?] А єврейи - я не знаю. «Добрий день», - мы до їх вітались. У них були свої магазини, ми ходили в ті магазини, купляли. Українці своїх магазинів не мали. Ота вся площа - це все були єврейи (показывает в сторону рыночной площади). Торгували тканиною, продуктови тут магазини були. И от як я до вас приходила,

00.04 якщо я у вас часто купляла, то я була у вас постійною клієнткою. И навіть так казали, вы у мене постійний клієнт, я вам можу давати дешевше. [А в долг давали?] Да, давали в долг. Вони собі записували. От там на Зариччі, де я живу, и там у нас був такий [Мошко](#) єврэй, и він мав магазин. То я знаю, що я була малою, и мама напише на картонці, дасть сумку, такі знаєте були вязані кошелки. И мама дасть мені ту кошелку и вже напише, що пане Мошку, мені дайте хліб, масло. И що треба було, він давав. Записував и все. И тоди коли мама вже йшла в магазин, вона вже давала. Вона мені не давала гроші, бо по дорозі ... дитина и все. И так всі давали, ніхто не боявся. Ворожнечі ніякої не було.

00.05 Молоко носили мы до єврейів, бо вони не тримали ні тварин, нічого. Вони жили тільки з того, що вони торгували. И от наші всі давали їм молоко. И війна. Но ще до війни єврейів забрали. (ТМІ сприймає війну як бойові дії 1944 року, коли загинув її батько, події 1942 року. Акцію по знищенню євреїв, вона відносить до довоєнного часу). И тут лішили, у Солотвині лішили [аптекаря](#) з двома дочками и [жинкою](#), я не знаю, як він називався. И лішили лікаря. От цього лікаря я знала, цей лікар писався [Тигер](#). Як він називався, я не знаю. Він звертався «Пане доктор», це не так, як зараз імя по-батькові звертаємося. И перед тим,

00.06 у нас було дома господарство, це ще коли батько жив. Це ще до фронту. У нас були корови, и я носила молоко. Я йшла до школи, и я брала для єврейів молоко. Не було так в магазини: сметана, сыр. Я їм це все носила. И тоді, коли вже єврейів забрали, а лішили тільки цих двох єврейів, мене здається, що ще когось третього лішили. Я навіть хотіла би уточнити, мене здається, це було ранньою осінню. Ще війни не було. Це німці тут у нас були. 42-й рік. Це було 43-й рік, вони залішили аптекаря з двома дочками та залішили того Тигера. Але перед цим всіх єврейів забрали.

00.07 усіх забрали. Ой, Боже, вони з клунками... И вот у нас... Так хата наша на бережку, а там в долині жив бідний [Дувид](#). Він мав трафіку. Коли приїзжав Тайк з Москви, а він з Солотвину, то він мене запитався: «Марія Іванівна, а що таке трафіка?» А я говорю: «Это такой небольшой магазинчик, в котором продавали ну все тютюнови виробы». Ну, там були пачки цих тютюну, коли вы хотіли пивпачки, вони вам видризали. (Показывает пачку размером с ладонь). Вы хотіли четвертинку, вони вам ризали. И були такі папірки, то продавали. Зараз уже нема, зараз уже перейшли на папіроси. А то були такі папірки, що вы скручували, робили папіроси и курили. (Показывает размер приблизительно 4X8см). И от він мав таку трафіку, там було две дочки, [Ліба](#) и [Хайка](#).

00.08 И син [Шийко](#), дуже гарно шив рна машини. Він був низенького росту и він женився на Берчихі, и та [Берчиха](#) була висока. И та [мама](#) того Шийка була незадоволена. То вона все казала до моєї мами: «Дивиться, він такий низький, а вона висока, то їм не пара». А мама все: «Тихенько, бабцю (так їй називала «бабцю»), тихенько-тихенько». То вони гарно жили, але недовго жили, бо тут уже війна. В один день забирають усіх єврейів. Всі з клунками, забирають, підводами йдуть. Значить, забирають їх в Івано-Франківськ, тоди

називалося Станислав. Як вийжджати в Станислав, озеро по ливий сторонни, то вся лива сторона булла забита такими дошками, щильними, високими-высокими. В рост чоловіка, и там тримали єврейив.

00.09 И от єврейив звидсы забрали. И забрали симями, нихто не втик. Никому не давали втекты. И от коли вже в Ивано-Франківську, в тому в Станислави, той один, я не знаю його призвище, цого зваты [Ицик](#). То вин ввийшов в довіря кухарив. И кухари його за *кваском*, за щавелем - варыты борщч. И вин так одын день - пишов-принис. Другый день пишов-принис, а третий вин як пишов и утик. И вин десь переховувався. У якогось господаря. [Он вернувся в Солотвин?] Нет, он не вернувся, он ушел куда-то в горы, и там вин нанявся, вин там пас коровы. Господар його приймыв, цього, значить, Ицыка. Ну вин не сказав, що вин Ицык.

00.10 Вин назвав себе яось инакше. Ну вин там довго був. 27 лыпня тут у нас була вийна. Вин повернувся аж через деякий час, ну, багато рокив минуло. Ну цей памятник, я не знаю, скількы, тры роки, як його установылы. Ну вин уже жыв десь билля Львова, и вин одного разу прийшов до моеи товаришкы. Вона сыдила, вона також булла вчителькою, вона сыдила читала газету. Вин прыходить. Вона його не пизнала. И вин каже: «Що вы так сумуете сами?» И вона каже: «Сидайте билля мене, будете сумувати разом зи мною». Вона так дывыться на нього, вона його не пизнае, бо це ж мынулы роки.

00.11 вид 42 року. И вин так починая говорыты-говорыты, каже: «Лида, це ж ты, ты зи мною ходыла до школы». А вона до нього: «А Вы хто будете?» - «А от соби прыгадай.» И вин розказав, я такой-то такой-то, мене зваты Ицык. И вин такой розказав все, вин женывся, вин женывся на украинци. У нього е внуки, вин прийиздыв до нейи в Солотвино. И колы було видкриття памятнику, вин тут був, вин страшни речи розказував. Як йих годувалы бурякамы, и ти бурякы от так повтыраемо (показывает, как обтирают об одежду) и, каже, йимо, бо ми голодни. Ховався вин, и все. Це вин прийихав, це за цього Ицыка. Вин живе десь билля Львова. Але тых, яких я казала... ну це ж правильно

00.12 лышылы аптекаря и лышылы [Тигера](#) -ликаря. И цый, напередодни, десь на якомусь часи, забрали його [жинку](#), а жинка булла дуже красыва. Знаете, вси єврейи носили завывку, а количь це називалося *ундуляция*. По-польськи ундуляция. И вона, я носыла туды молоко, то воны мене дуже добре зналы. И тодди йий забрали, а Тигера и [дитину](#), [хлопчыка](#), ну хлопчик ще не ходыв до школы, мав таки кучери гарни, його тут залышылы в Солотвини зараз з тим хлопчыком. И вин працював у украинця Рубля, який був також ликарем, працював, и вин мав свий кабинет. (Дома, в которых жили Тигер и Рубель, сохранились, стоят напротив друг друга через дорогу, на улице, ведущей от рыночной площади к мосту через реку Быстрицу). А йому лыше через дорогу перейты.

00.13 И у мене захворив батько, горло, у нього нарыв був. Мама прыйшла до того Рубля, щоб прыйшов. А вин каже, що я не пиду, а пиде молодой вид мене тей Тигер. И вин иде. Из своим хлопчыком, веде за руку, а шо ми старожылы села, мены тодди було 14 рокив, я це вже памятаю. Вин тодди йде з мамою говорить, це и це и каже: «Вы знаете, яку я мав гарну жинку». В нейи було таке довге волосся по плечах, така высока, стрыйна, дуже булла красыва. «А мени, - каже, - що, от того Тигера (оговорка, имеет в виду аптекаря), в якогобуло дви дочкы, одну з дочок дали, щоб вона мени була жинкою. Ви знаете, яка у мене була жинка. Я йийи не хочю. Але дали щоб вона варыла йисты тому хлопчыку и мени».

00.14 Но не жинкою, бо вин не буде жыты, бод уже любыв за циею жинкою (очень любил мать своего ребенка). И от так писля обиду, цэ було такэ пиздне лито и рання осень 43-го року, вин сыдять в кабинетэ, цэй [Тыгер](#), цэй ликар, и вин побачыв, як пэрэд викном ишли милиционэры. А ему так як бы душа видчула ему, знаете, вин приходыв до нас часто, може не будэ звязково, бо я так говорю нэзвязно, вин колы йишов и з мамою говорыв, так знаете, прийшов, мама швыдко дытиыне дае йисты, вин: «Пей молочко, пей молочко, молочка таке корыстне», - вин так багато маме розказував про всэ. Тоди вже, не знаю, в який то це дэнь було, вин побачив через викно, як идэ милиционэр. И вин у задни двэри

00.15 кабинету, [дытыну](#) залишае, и як пишов, пишов, пишов, пишов (ТМИ показывала дом, из окна которого Тыгер увидел полицаев и откуда ушел, оставив своего сына в своем доме на

протиположної сторони вулиці). І його нє було. А ту дытыну милиционеры взяли тут о в Солотвині, вывезли на... ну сюды... на цвинтар, на кладбище. По-еврейски як воно називається? Вывели його сюды і його стріляють. Знаєте, поклали його так впритул і цей вытягає пістолет і стріляє його. А він так: «Шо вы робите, прошу пана?» - бо дытына була дузе **вы**хована, і воно під полу **заховалося**. І так було два **разы**. Ця були очевидцы, які бачили всє. Знаєте, те люди там бачили, які жили біля кладбища. І тодди він в ругый чи в третий взяв його за **руку** і

00.16 вбыв і та дытына упала. А батько той дытыны пийшов, він скривався на Гути. І прийшов час, тут уже как раз фронт, ця було до фронту, а уже після фронту я знаю, у яких людэй він ховався, ця я вже пизднийше узнала. Уже як видгримели ти бои, сорок четвертый, сорок п'ятий рік, я пішла до школы, пішла я в восьмий клас, в восьмий, в дев'ятий, десятый, і я у Франківську, тобто у Станислави, ішла по вулиці Чапаєва, біля будинку піонерів. Знаєте, идэ чоловік. І так знаєте, такий він такий крэмэзны був, гарный, високий, скрони [виски] посывили, сивый чоловік, і с сумкою в руках. І так я щось подивилась на нього, такэ обличчя мени знайома, бо він приходыв до **батька**

00.17 і просив: «Вы шчо нє выходьте на роботу, абы я приходыв, абы я миг своєю дытыною по дорози шче прогулятыся». Вони на мості стоялы, каменчики дытына в речку кидала. «Щоб я миг прогулятыся, вы шче не выходьте на роботу, я вам продовжу цэй больничный». І тоди я ему носила молоко. А ходила я уже в восьмий клас. Алэ трэба було ему молоко так покласти, шоб нє видно було, бо тут же ж були нимци. І тут така хата, і між хатами, між одним будинком і другим от такий перевулок. От такий пмереваулок [показывает - шириной ок. 50 см]. То я нєсла сумку і там мусила поставыты. І він вже чекал, на другом кінці перевулку. Я тут поставила, він махнув рукою, я пішла до школы. Ідучи из школы, там уже стояла банка, но не така стекляна, як зараз, а то були такі банки і з ручкою.

00.18 Вони були такі **полывани**. Я там ставила ту банку і идучи из школы трэба було **оглянутыся**, ту банку **хапнуты** і йты - зараз тобі **куля** была бы, бильш ничого. Нимци стрілялы. І всє - і тодди, як я його зустрѣла во Франківську, я його пизнала. І він, знатете, так шв він і я. Так идэжмо назустричь, я дєсь бачила цього чоловіка, бачила, бачила! А він так идэ, в одной руке сумку тримає, другу распростэр, мэни притиснув до сєбе і каже: «Дытынко, я тэбэ знаю, дочко, я тэбе знаю!» А я кажу: «То вы, пане доктор?» - «Так! Я! Я!» Кажу: «Мий батько убитый». - «Я знаю про цэ». Значит, він чув. А знав він вид **кого** - там на Гути [19 км от Солотвина] була жінка,

00.19 чоловік якої був лесником, а вона була подружкою моеї мами. І вона одного разу прийшла і у мами щось просыла. Алэ мама сказала, дєсь мени послала - иды! иды! Я нє чула, я бачила, що мама ей щось **дала**, і вона пішла. Що вона ей дала, никто не знав. Мама щось з батьком говорила, бо батько шче був живий, то шче до фронту було. Батько був живий. То я лише помятаю, що тато сказав - маму зваты було Ганна: «Добро, шо ты **дала**». І всє. Значить, шо выявляеця, ця мама вже пизднийше сказала - шо мама **дала** сорочки і м ама дала такий, знаєте, из домотканого сукна - мы тримали вивци - там их же стрижуть, а тоди крутят ти нитки, с тых ниток тчуть тканину, і с тэи такныны, ту тканину ще давали на воду, шоб вода так вбыла ийий, і шили такі **вужашики** - ця по-польски називалося **вужашик** [верхняя одежда].

00.20 І я того ликара побычила у тому вужашыку. І як я прійихада с Франківська і кажу маме: «Мамо, ты знаешь, когог я бачила у Франківську?» А мама каже:и «Кого?» Я кажу: «**Тыгера**, ликара, того, шо **ликував** нашого тата». А мама каже: «Він **выховався**, а тата нашого нима». Я кажу: «Він був у таком вужашыку...» А мама пытає: «А ты не пизнал?» Я кажу: «Ни, я не пизнала». - «Ця нашого тата». От тожди приходыла та жінка, вона просыла якогось **одягу**, бо ийии чоловік був низкого росту, а батько високий був такий, такого росту як він [отец ТМІ и Тигер были одного роста]. Ни сорочки, ничого не пидх~~о~~дыло с того чоловіка той жінки, дэ він переховывався. Ну вже він переховывався, він пойихав, якось він добрався у Польщу, в Польще він женився, і з тоєю жінкою він

00.21 пойихав у Израиль. І мэни одного разу вчитэлька, шо зо мною працювала, щось мы розговорылыся, вона мени сказала, шо цэй Тигер пыше до ных **лыста**. Бо він **выховывся** у ийии чоловіка у батьків. І всє. О ця я знала, бильш я нє знала. І ось роки в тры тому, а може

чотыри, до мэни дзвонить дзвоник. Алэ я так чую, щро цэй дзвоник издалэка - знаете такий. Я пидийшла: «Алло!» - «Это квартира Терешко?» (мое призвище Терешко). Я кажу: «Так!» - «Марию Ивановна, то вы?» - «Я». - «А вы знаете, хто до вас звонить?» Я кажу: «Вы скажете, хто?» - «Цэ звонить [Тайк Филип Майорович](#)».

00.22 «Ой, добрый день!» - «Добрый день! Знаете, я до вас хочу звернутыся с такою просьбою. Вы, як старожил Солотвины, вы мени можете шось розказаты». Кажу: «Добре». - «Алэ розказаты про еврэйив». - «Добре». - «Я до вас прыйиду». - «Добре». Всэ. И вин вин до мэни дзвонив, цэ було пид осень, але мэни не було дома, я пишла на похороны, бо хоронили вчитэля, з яким я починала пэрший класс и кончала десятый класс, и мы разом поступили на роботу. Вин помэр, и я була. «Я вчора до вас дзвонив, дэ Вы были?» Я поясню, що я була на похорони. «Мы до вас зараз прыйидэмо». Я засуетилась, нэ пидготовлено ничего, алэ його я добре знаю. Мий чоловік працював ветеринарным ликарем, а його батько тут у Солотвине працював...

00.23 торговав мясом, цього Тайка. И вин тут ходыв, вин сам с пятьдесят другого року, вин повинэн тут прыйихаты 24 серпня, бо вин кинчав дэсятый класс [на 40-летний юбилей окончания школы]. И тут мае буты зустрич, из дэсyatого класса. И вин прыйихав до мэни, со своим другом, и я ему всэ розказала, розказала я йому про цього Тыгера. Всэ дэталъно. И я йому сказала навить який чоловік тут у Солотвине, значить, сын того батька, який виховывалы. «Добрэ. У нас будэ видкриття, и я вас запрошую на видриття». Добрэ. У його була сэстра [Майка](#) тут у Солотвине.

00.24 Батьки його помэрлы, мама [Лотта](#), а батько [Майор](#). И воны помэрлы, и воны похоронены тут на цвинтаре у нас [супруги Тайк похоронены не на еврейском, а на общепоселковом кладбище]. И дэсyatого жовтня, шось у нас в церкви видправлялося, я иду от тут, тут стоят люды якись. Ну, стоят якись мужчины и стоить миж ними жинка. Ця жинка видриваеця вид цих чоловіків, бежить напроти мени: «Мария Ивановна, Мария Ивановна!» А йийи багато не бачила - цией Майки. Вона вийшла замиж за еврэя, и вона зараз в Израили. Вона: «Йой, Мария Ивановна!» Я знаю йийи добре, маму, тата, Филипа знаю, Майку знаю, гэтэ всэ, и мы так, знаете, росцилувалыся, обнялыся, от тут при всих, на людях. Вси дивляться, ну, ничо.

00.25 И потим - я забула, якого цэ числа було, у менэ е це запрошення, колы було цэ видкриття. И на цэ видкриття прыйихав и цэй [Ицык](#). Мы йому написалы, Ицык прыйихав, и тут Майя ще е, з своим сыном Михаилом, из Израили. Влеа мэни каже: «Цэ мий сын, знайомтэся». И цэй [Филип](#). И мы тут побули, тут було видкриття. Людэй було старшно багато, но погода була дуже паршива. Дошч падав, ви знаете, вси пид парасолями. И тут я привэла того чоловіка, сына того... ну и вин познайомився, и тут було в рэсторане, воны таку, знаете, влаштоывалы трапэзу. Но я нэ була там, бо у мэнэ помэрла сэстра двоеридна, и я кажу до Филипа, що я не можу. «Мария Ивановна, мусите». - «Нэ можу, бо я мушу пийты на похороны, занает, двоеридна сэстра, я мушу пийты».

00.26 Так воны тут в рэсторане влаштовуюця, и вин тодди познайомився, я вже привила того чоловіка, а той чоловік е сусид його, и воны познайомились, гэтэ всэ, роспысалыся, всэ, и через рик приездеае уже нэ Тыгер, а приездеае [його сын](#). И з жинкою. Тут в Солотвино. Йихалы воны на Гуту, звидки ттой Тыгер був. Булы воны тут коло памьятныка, ездили воны в [Маняву](#) [село в 12 км от Солотвина], и вы пойидьте в Маняву. На руины скиту Манявського. И рик тому, от 20-го вересня буде рик, як той чоловік [сын того, кто прятал Тыгера] помэр. Ну, цэй до мэни дзвонив, зараз чогось пээрэстав звониты. Ну у мэни дочка - вин [Филип Тайк] с пятьдесят другого року, а дочка с пятьдесят червертого року, и так завжди як вин е тут, вона

00.27 працуюе ликарэм вухо-горло-нис, и вона нэдавно з ним зустрічалася. Каже, я у Франкивську, пэрэжджу дорогу, хтось кричить: «Марта, Марта, нэ пэрэходь дорогу, бо машины!» А я кажу, я хочу, бо я бус встыгла в Богородчаны, ще шоб я попала. И каже: тут вин стоить, вин з розпростэртими рукамы - обнимаемоя, цилуемоя! И вот вин повинен прыйихаты на цэ. О цэ всэ, шо я знаю. И бильш никто у нас не виховався. У нас цэй [Тайк](#), батька, значить, цього Филипа, вин, оказываеця, сам був солотвинским. А дэ вин виховався, так я ще и не розпытала. Хотила бы я ще зустрітыся и з тим сыном його и розпытаты, дэ Тайк

виховався. Тэпэр у Дзвинячы [село в 3-5- км от Солотвина], е Света.

00.28 Мама ййи була еврейка. Дидусь еврей, бабуся еврейка. Мама вийфшал замиж за украинця. Ну воны уже помэрли, а та Света ще залишилася. То мы з нэю часто перезвонюемся. Вона ходыть до мэни, довидуеця, всэ мэни запрошуе до сэбэ, алэ я чогось... знаете, мэни ужэ тяжко туды. [Это далеко от Солотвина?] Нет, наверно, километра три или чотыри. [Объясняет, как проехать из Солотвина в Дзвиняч и найти там Свету.] Лыше запытати, дэ найти Нэхорошко. [Рекомендует нам встретиться со Светой, сославшись на нее.]

00.29 [Евреи в Солотвине жили вперемешку с украинцами или были еврейские улицы?] Нет, как квартала не было. Вот там жили [показывает в сторону рыночной площади], взагали от ця вулиця - до горы, по правой стороны [Это куда вы в аптеку ходили? Улица-дорога, ведущая вверх от рынка и автобусного круга на запад.] Да, куда в аптеку ходыла, так ото вся вулиця була - еврей жили: хата, хата, хата [показывает, как тесно стояли дома]. А тут у Солотвине воны малы свои магазинчики. Ну, ходыли воны сюды в синагогу [показывает на здание бывшей синагоги, которая находится на другой стороны дороги от памятного знака и в которой сейчас расположен склад], так шо воны вси збиралыся у субботу. У субботу воны ничого нэ робыли. Воны всэ старалыся в пятницю зробыты, а в субботу ужэ ничого. А звидки я знаю, бо внизу, дэ наша хата була, там жили еврей. То вона уже ничого еврейка нэ робила. А жили мы дуже гарно, у нас было господарство, мий батько працював

00.30 обсерватором. Цэ по-польтски, цэ шче за Польшчею. И за радянських, и за нимцив, и за Польшчею, и тэпэр за радянською владою - цэ спостэрэжник водомирного поста. [Рассказывает, как после гибели отца осенью 1944 г. к ним пришел военный и сказал, что водомерный пост, который относился к Прикарпатскому военному округу, должен работать.]

00.31 Просил мать следить за показаниями, но она была малограмотная, 2 класса австрийской школы, и тогда поручили записывать данные ТМИ и так они обеспечили себе заработок в трудные военные и послевоенные времена. ТМИ тогда еще училась в школе в восьмом классе. Поэтому ТМИ с читается участником войны.]

00.32 [Потом пост перевели в Яремчу. Советует нам съездить в Яремчу.] [На каком языке разговаривали евреи в Солотвине?] На украинском. Воны миж собою по-еврейськи, а до нас зверталыся по-украинськи. [Были украинцы, которые знали еврейский язык и с евреями могли по-еврейски говорить?] Ну, ти шо... Вот у мени був, у моей мамы сестры чоловик, який учывся у евреив шиты, и вин так выучив ту еврейську мову, шо вин так говорыв. Но вин уже помэр. Булы таки.

00.33 Булы таки, шо навчилися. Еврейска мова дуже подибна до немецькой мовы. Знаете, там яки слова е, шо... Булы, булы таки люды, шо вчилися. Еврей булы як... було йих багато кравцив, шо воны шили. [И они брали себе в ученики украинцев?] Да, воны брали соби ученики, воны шо-то йим платыли, и воны приходыли утром, вэчэром уходыли, и всё врэмья были у них. Алэ нэ було ниякой воро... никола бийки нэ було, ниякой ворожнэчи нэ боло. Вот так носыли молоко, воны прыходили. Та бабця, шо жила у нас внизу, то воны приходыла до мамы и каже до мамы: «Прокопишивна, шо вы сьогодня робыте?» - «Ой, бабцю, маю сино». А я ж була, и брат у мэнэ. Вин полковником у Билорусии, но вин уже на пенсии. И от того брата тые дви еврейки выбавылы [вынянчили].

00.34 Мэни вже нэ трэ... [имеет в виду, что она была старше брата и няньки ей не нужны были]. Алэ - то были Либа и Хайка. Либак була туберкулёзна. И вот николи та бабця, шо было характэрно, шо вона казала до мамы: «Вы знаете, Либу я нэ пришлю, бо Либа кашляе». А Хая прыходыла. И вона мэни навчыла спиваты. Колы вона надходыла, то трэ було казаты:

Я дивчына Хайка,

Продавала яйка,

То по дэсять, то по двацать,

А нарэшти по шестнадцать.

И колы вона прыходыла, то трэ було вылезти на кресло и спиваты [напеваает]:

Я дивчына Хайка...

Вы понимаете? Я девушка Хайка, продавала яйка...

[Ой, напойте еще! Напеваает:]

Я дивчына Хайка,

Продавала яйка,

То по дэсять, то по двацать,

А нарэшти по пятнадцать.

А брат ще нэ миг вылезти на кресло, бо вин був малый. И вона його била [показывает: шлепала легонько ладонью]. А так у забори була дирка. И вин помале пролизав у цю дирку, ходыв до тоей бабци, до мамы тоей Хайки

00.35 и каже: «Бацё, бацё, Либа бий, бий...» Показывав, шо вона його била [отшлепала]. [Оговорка: речь идет про Хайку, Либу к ним в дом не отправляли из-за болезни.] То вона ломыла лозынку, брала його за руку, проходыла и: «Я тоби дам, нашто ты дытыну бьеш?» [В шутку угрожала Хае.] И вона уже так: як у п'ятницю, так вона уже грила воды, тут же електрики нэ було, газу нэ було, трэба було пичку топыты. Вона нагрее воды, нас помые, и мэнэ, и брата. И мама уже приходыла с поля и вона тоды уже каже: «Диты уже помити. Я вже все постирала з ийих». [То есть она вам по хозяйству помогала?] Да, вона помогала то, шо нас бавыла. То вона як уже йшла, то мама ей давала сыр, сметану, молоко и вона уже йшла и всё. И колы забирали нимци йих, тых евреив, о та Хайка хотыла втикты. У них була така хатына бидна, и вона якось с хатыны вийшла

00.36 и сила пид лэрэво. А нимци ййии уже шукають. И знайшлы ййии, так тягнуть, и [маму](#) уже вэлы, вона була вже дужэ старэнька, то ййии вэлы... [Тато](#) тоей [Хайки](#) помэр, и воны вэлы ййии так пид руки и так ноги волоклы... шо вона уже нэгодна була. И цэй... шо характэрно, шо цэй [Ицык](#) бачив, як с Зариччя привезли цю, то вин навить колы вин тут выступав, виступав вин от тут о... [показывает на площадку рядом с памятником]. Вин выступав и навить каже, шо з Зариччя привэлы жинку, ноги якоей волоклыся по дорози... Вин цэ запам'ятав. [Песенка про Хайку - это дразнилка была? Она обижалась?]

00.37 Нет-нет, она научила! [Это она сама вас научила этой песенке?] Да. Она научила, мы должны были ей приветствовать, когда она приходила. Когда она приходила, когда она только шла, вот я залезала и [напеваает:]

Я дивчина Хайка,

Продавала яйка,

То по дэсять,

То по двадцать,

А нарэшти по пятнадцать!

А тэй картуз малый [младший брат] нэ миг вылезти на тэй [забраться на кресло], и вона його тоди щлёпанца. А вин идэ: «Бацё, Хайка бий-бий!» - «Ну, я ей дам!» [шутливо угрожала мать

Хайки]. Лозыну у руки и Хайку проходила. «Ни-ни, Хайка гарна, Хайка гарна!» [жалел Хайку малыш]. [Сколько лет было тогда Хайке?] Ну, йийи було десь рокив, я знаю, трыцать рокив, да... [А вы детьми были?] А мэни було скільки тоди... Мэни було тодди рокив висимь. Бо я з 29-го, а брат з 33-го. На чотыри роки [моложе].

00.38 Так шо вин був малый, нэ миг вылезти ни тэй... И вона уже так: о! о! о! [показывает, как Хайка хлопала в ладоши]. Шо я навчила детей! Вона була рада.

[Когда евреи приходили в украинский дом, они там что-нибудь ели?] Ели, ели. От та бабця, колы приходила до нас, мама йийи завжды так принимала гостынно: «Бабцю, будэте йисты? Я варыла варэныки». - «Давайте!» И мама дала йийи, вона пойила и ще тоди в тарилку дивчатам - Либи и Хайци. [А когда украинцы приходили к евреям, их гощали?] Да! От на Пасху, знаете, йихня така паска - як вона называлася?.. [Пытается вспомнить слово.] [А как она выглядит?] Така тонэнька-тонэнькка дуже и ломалася.

00.39 И цэ трэба було пэкти, с такого... с такой пшэныцы, колы зибрала, шо на ние дошчу нэ було [вероятно, имеется в виду маца-шмура]. [Опять пытается вспомнить, как называется маца и предлагает обратиться за помощью к Свете Нехорошко, см. выше.] Цэ на Паску воны пэклы. [Из какой-то особой пшеницы?] Да-да, цэ був особливый сорт пшеницы... [см. также об этом далее.] Потим тут у Солотвине був дирэктор лесгоспу. Дирэктор лисокомбинату. Вин писався [Пельц](#). И той Пэльц дэсэ був там с [Рожнятова](#). Там, дэ выховывася цей Ицык. И вин там выховався. Ну як - вин трымав кони, вин таким був робитнком, воны це дэрэво дрелювалы, знаете,

00.40 забывали клин, и кони тягнули цэ дэрэво з горы вниз, уже там далеко и с платформы воны вже грузыли. И вин якось выховався. А як вимн выховався? Чи вин був в армии, от я нэ знаю. ХЭотыла я всэ запытаты. И вин повэрнувся туды в [Перегинск](#) и була из Полтав дивчина, Галина Матвиевна, и вин закохався в неи и вин з нэю оженився. И воны с Перегинська перейихалы сюды в Солотвин. Вин працював дирэктором лисокомбинату. У йог обув самый старший сын [Лёня](#), учився вин в мединституте, закінчив чи пэрший, чи другой курс, и булы у них два близнюки - [Витя](#) и [Саша](#). И потим була дивчинка [Слава](#).

00.41 [Далее ТМИ просила выключить диктофон и рассказала историю гибели Пельца в автокатастрофе. [Дочь Пельца](#) родилась уже после его смерти. Еврейское ее имя - Берта]. Вона окинчила пединститут, а ци хлопци кинчили... цэй Лёня учився в мединституте, ци два хлопци кинчили лисотехничный, поступыли, бо е таке правило - близнюки, то мают [нрзб - льготу] поступаты. Витя и Саша поступыли в лисотэхничный, ну, пизднийше воны поженилыся, у них е внуки, и ця Берта... Лёня шче при життю батька застрелився через якусь дивчину. То я так памятаю, такий похорон був великий, моя мама ще жи ла в ой части.

00.42 Мама пришла, знаете, у нас есть тако прынято, мы приходимо и коло покийника молимся. А вона дуже дружно жила с моею мамою, цього Пельца жинка. То вона пидишла и так, знаете, молиця, молиця, молиця, молиця. Того Лёню поховали, писля Лёню поховали батька. [Их по еврейскому обряду похоронили?] Нет, бо тут було закрыто. Тут лише був один еврей, як вин писався..? То його хоронили так по еврейському. [Вы видели эти похороны?] Мэнир росказували, шо вин лижав на доливци [на полу], бо еврэи колы помырають, бро еврэи колы помырають, то йих на доливку кладуть, нэ на стил. А йих на доливку. И похоронили його тут во [показывает в сторону еврейского кладбища]. Вин був [Кутер](#)! Кутер. А вин був зубным ликарэм. А був женатый на украинци.

00.43 [Это уже после войны было?] Писля вийны. И тэпэр його сын пойихав в Израиль, и його сын тако ж женився на украинци. И воны пойихалы в Израиль. [Возвращается к рассказу о смерти и похоронах Пельца.] Ти два сына уже закінчили вже писля батька лисотехничный институт, працювали воны тут, и вот недавно, не знаю, скільки тому рокив будэ, цэй Саша помэр. Я була на похорони, и у [Лёни](#), и у [Пельца](#). И о ця Галина Матвиевна, вона часто до мэне

приходила. И колы уже похоронили [Сашу](#), вин був одружений во Франкивську, але друга жинка у його, вид первоеи жинки у його дочка и вид другой жинки е сын, здаеця. Хлопчик, мэни здаеця.

00.44 И через деякий час помирае цей [Витя](#). О це Витя як помэр, скільки тому рокив... дэсь приблизно три роки, цей Витя помэр. А за цей час ця [Слава](#) познайомилася и с хлопцем, нэдалэким моим сусидом, и воны выйихалы в Израиль, бо в Израиле була [Пельца сестра](#). Йийи батька сестра була в Израили. Воны выйихалы туды и воны там залишилися жить. А тут залишилася уже пisleмь смерти третьего сына залишилася сама Галина Матвиевна. И вона так... я йихала до миста, бо у нас мист був перерванный, воны там живут недалеко,

00.45 то я повернула до нэи. Йтйт та дочка оформила и вона одэржуе, одэрживала паёк єврэйский у Франкивську. То я повэрнула до нэи, вона мэни так розказуе и каже: «Марусю, Марусю, на цю нич Витя попав в ликарню!» - «А шо?» - «Инсульт у його!» И вин напэвно дни два либо три побыв там в реанимации у Франкивську и вин помэр. [ТМИ розказывае, как ГМ просмила ее прийти и она принесла на похоронры Вити огромный букет хризантем.] Я так стала, молюся, бо так в нас принято. А вона взяла у мэнэ цэй букет и кладе коло цього Вити.

00.46 И тут приходыть Витин сын, Борис, прийихав с Израилю. На другой дэнь були похоронры. Хоронрыли його так - по нашому обряду, по украинському обряду. Ця сестра, Слава, не могла прийихаты. [По єврейскому обряду хоронят тоже с гробом?] С гробом! Вин лежав, вид такий... Були, мени здаеця, из Франкивська знайоми єврэйи, поминки робыли так, як зараз роблять. [Лицо открыто было?] Лицо открыто. Ну так як вже у нас хоронят. [Не поняла вопрос, продолжает рассказывать про похоронры старшего Пельца.]

00.47 И у нас ще покийника брали, бэруть до церкви, но тут уже не бралы, не бралы Лёню, ни не бралы Бориса. Борис Якубович. А так по-єврэйски Бэрко Янкелевич. То вин ще помир за Советив и радянськю влады, то його нэ бралы [т.е. при советской власти в церкви не отпевали]. И цих сынив, сынив вже тепер поховалы, то нэ бралы йиих до церкви. У нього було два сына у цюгго Вити - Борис и Роман. То Борис и Роман булы в Израили, то обы два сыны прийихалы на похорон, а пisleмь того, ЧК уже похоронрыли, не пройшло багатот часу, прийихала ця Слава. То мэни Галына Матвиевна отзвонрыла. «Маруся, я напэвно буду йихаты в Израиль. Шо я тут сама миж чужими людьми буду робыты?»

00.48 И вона пойихала в Израиль. Та дочка забрала йийи в Израиль. Вона всэ тут попрододала, вона мала куры, порося, всэ породала, пойихала туды за Израиль. А у тоей дочки е дивчинка Юлька и хлопчик Максимко. И вона пойихала там нянчиты дитэй. Можэ рик тому, вона напысала до мэни лыста, ця Галина Матвиевна. Вона напысала, шо вона там нэ можэ прыжитыся, вона хотил б коло своих сыночкыв, можэ я прийду... И вот я думала, шо вона можэ тут на каникулах прийдэ, або прийидэ йийи дочка. Алэ я тэпэр никуды так нэ ходыла, знаете, мушу у тых сосидий запытатыся, чи вона прыиздела. Вы мэни позвонрыте и

00.49 я вам скажу, чи да, Слава прииздела. [Возвращаемся к теме угощения на Пасху.] Да-да, так, носыли по хатах. [А пшеница какая должна быть?] Пшэныйя - як колы йийи скосять, так йийи мусят змолотыты. Ну зараз на тых... ну, косарка колы косыть, вона косыть и молотыть. Шоб там нэ попало дошчу! Як вона называлася [все время старается вспомнить название мацы.] [«Єврейскую паску» по домам пекли или где-то была пекарня?] Мэни здаеця, шо воны по домах пэклы. Таке тонэньке и таке

00.50 тисто було волнистэ. [Квадратная или круглая?] Ни, квадратная [показывает: ок. 20x20 см]. Я знаю, шо ця бабця приносила, ця сусидка приносила и кажэ до мамы: «Я вам прынэсла угошчаты». Ну и колы у нас свята, мама кажэ до нэи: «Бабцю, вы бы прийшлы!» - «Прийду, прийду!» И всэ. [Украинской паскаой вы угощалы?] Да. [Єврейи не отказывались?] Ни, йилы. [А было что-то, что єврейи не ели?] Воны не йилы мьеса свиного. Свиного мьеса воны нэ йилы. [А почему?] Нэ знаю. «Трэфнэ», - воны казалы, шо цэ мьесо трэфнэ. Воны свинину нэ йилы. А говядину, тэлячэ, курка, а курка - то у пэршу чэргу. [У отца [Тайка](#) был мясной магазин?] Нет, это не его

00.51 магазин. Он только работал там. Продавцом работал. [Там мясо только продавали, там

не забивали скот?] Не, не забивали. Там была бойня, дэ забивалы [бойня была вверх по дороге от рыночной площади на запад]. Он ехал туда, забирал то мясо, муж мой это мясо штамповал [муж ТМИ был ветеринарным врачом] и он уже в магазин [его отправлял]. [Евреи покупали мясо в этом магазине или гдше-то еще?] Нет, в это время, когда Тайк уже работал, евреев уже не было. [А раньше где покупали?] Раньше вони покупали в магазине. [Был какой-то человек, который кур резал?] Да, онги резали как-то кур... Это муж мой рассказывал, он был ветеринарным врачом, и я никогда не резала кур. Я не могла. А он резал. И он мне говорит: «Ты хочешь видеть, как я зарежу курицу?»

00.52 Как я её буду резать, всё это... пух облетает!» [Как это?] Вот где-то здесь [показывает на горло, как бы под языком] подрезывали что-то. Он это знал. Но он это сдепал. И когда - я это видела - первую курицу он так зарезал, подрезал ей что-то вот здесь, и вси перья облетели. Она чистая-чистая осталась. Они, видимо, так и резали. [И евреи так делали?] Мне кажется, что это был, наверно, какой-то день, где-то было такое место, где был еврей, который ирезал этого, этих кур. [А где такое место было?] Не знаю, где. [На базаре?] Нет-нет. [Около синагоги?] Нет-нет, вот я знаю... Но было где-то мам такое место. [То есть вы помните, что они в какое-то место ходили?] Да-да.

00.53 Они ходили, живую туда носили, а а уже мёртую оттуда несли. Уже без перьев. [То есть они не ощипывали кур?] Нет-нет, они не щипали. Это я уже знаю, это муж мой так первую курицу [зарезал]. Я видела, как она крыльями била и сказала: «Нет, не делай этого, бо я не могу смотреть». [А кроликов евреи ели?] Вы знаете, в это время как-то кролей не разводили. Это уже позже. А может быть, кто-то держал... Не знаю, наверно, ели. Но знаю, что они свинины не ели.

00.54 Они говорили, что это «трэфнэ». [А что еще для них трэфнэ?] Не знаю. [А молочное?] Всё-всё ели! Вот когда приходил к нам этот... ну... врапч этот, [Тигер](#), то он говорил (не знаю, как этого мальчика звать было; знаю, что жену звать было [Сапа](#) у этого врача), он еще говорил [[сыну](#)]: «Кушай, кушай, это полезно молоко!» Знаете, моя мама така була гостеприимна: «Пане доктор! (знаете, так звэрталыся колысь), пане доктор, сидайтэ, то я й вам дам! То най будэ!» То вин, знаете так: «То я буду до вас прыходыты». Прыходыл до нас. Я так зрозумела, шо вин хоче прыйтыся з дытыною, над ричкою побуты з дытыною, бильше часу придэлыты дытыне.

00.55 [Сын жил отдельно от отца? Как получилось, что отец спасся, а сына схватили?] Вин був на роботы разром у того Рубля. Вин був там, и колы вин через задний вхид втик, дытына лышилася. У тых Рублив нэ було дитэй. И та Рублёва просыла, шоб зальшылы ту дытыну. А нимци сказалы, шор ни, цэ еврэй, я нэ зальшаю. Кажэ [жена Рубля]: «Я його выховаю, я його крэщу, я його бэру за сэбе, в мэнэ дитэй нэма, я його бэру!» [Она готова была ребенка взять?] Да-да, вона готова була взятти ту дытыну. Жилы вони дужэ гарно. Вот тилько чэрэз дорогу [дома Тыгера [\[1\]](#) и Рубля [\[2\]](#) сохранились на ул. Чорновола? См. фото].

00.56 Чэрэз дорогу пэрэйты - хата цього Тыгера, батькой ого жинки мав лисопильный такий завод у Гути. И сам Тыгер був з Гуты. Цэ ж я узнала нэдавно, шо вин був з Гуты. [Помните Вы какие-нибудь еврейские праздники?] Нет. Не помню, только Пасху. [А Пасху как они справляли?] Этого я не знаю. [Опять пытается вспомнить название мацы, хочет даже позвонить Свете.

00.57 Записываем телефон Светы для возможной встречи.] [Что евреи готовили особенного?] Куры. Вот в субботу вони святкаувалы, у нас нэдиля выхидный динь, а у них була суббота. И вони в субботу, навить вони плиты... вони могли в плиту накласти - вы знаете, дровамы плиту, вы бачилы, як вона распалюеця? Накладаеця дров, там папиры трэ класти - навить у субботу нэ чэркнулы сырнык [спичку]! [А кто им плиту разжигал?] А хтось йишов по дорози, то вони кажуть: ходы, пидпалы мэни! Навить вони нычого нэ робылы! У них була суббота нибы святэ таке.

00.58 [Почему нельзя зажигать огонь?] Палыти вогонь? Бо цэ грих було для них, цэ грих було! Вони наклали дров, и вот вы йишлы по вулыци, и вони клычуть. Нэ раз и мою маму клыкалы, шо придите, пидпалыте! Мама йишла, мама знала, шо цэ ... [Это любой человек мог делать

или был постоянный помощник?] Ни, любый, хто йишов по дорози! Вы йишлы, и вы бачили його и вин казав, шоб вы ходыли - пидпалыть мэни! И вин дае вам сырнык, вы чэркнулы, пидпалылы - дякую! - и вы соби пишлы. А куры у них було святэ. В субботу у них наибиднийший еврэй [имед на столе курицу]- бо булы еврэй богаты и бидни еврэй. [Кого считали богатым?] Ти, шо малы магазины. [А портные были богатые или бедные?] Богатые. Вы знаете, он уже держал - это называется челядник.

00.59 Вот этот ученик, который учился, назывался челядник. Вот мий дядко [был в учениках у портного], дуже гарно говорил по-еврейски. [Как он научился?] Вин вчился у них, воны говорыли, вин сприймав всэ, и тоди, як вин вже кончав навченне, я не знаю, чи два роки трэ було учитися, чи три роки, платыли ему, значыть, кравцеви, и вин так йишов, так уже з ними вин прощався по-еврэйски. А тэй кврэй вытаращил очи, кажэ: «Звидки ты знаешь еврэйску мову?» - «Ну я з вами два-чотыри роки, розумию всэ!» [И много таких украинцев-учеников было у евреев?] Булы, булы! Но нэ було такк4 на Солотвино багато, ну два-три...

[Transcription incomplete: mins. 1:00-1:53 not included. See [part II](#)].

English translation of transription:

Not yet

Description:

Pre World War II life in Solotvin.

Jewish residents of Solotvin.

Jewish Traditions: festivals, food, ritual slaughter.

The Holocaust.

Jewish dwellings in Solotvin.

Interviewer: Olga Belova

Interviewer: Elena Kushnir

Community: [Stanislawow \(Ivano-Frankivsk\)](#)

Джерело: <http://www.jgaliciabukovina.net/uk/node/111693>